

И.А. Карышев

Бог не опровержим наукой

Книга 1-я

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
И11

И11 **И.А. Карышев**
Бог не опровержим наукой: Книга 1-я / И.А. Карышев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 248 с.

ISBN 978-5-458-27511-8

Темы, затрагиваемые в первой книге: Главное разногласие, Мировоззрение ученых, Миссия и назначение науки, Позитивизм, Мировоззрение материалистов, Атеизм, Материализм и спиритуализм, Обзор истории развития мысли, Исходные точки мышления материалистов, Общий характер материалистической науки, Бог и нескончаемость его творений.

ISBN 978-5-458-27511-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

къ преслѣдованію высшихъ цѣлей жизни никому и въ голову придти не могло, ибо это значило бы идти противъ общепринятаго теченія жизни. При томъ же люди эти требовали отъ толпы, чтобы каждый сталъ выше своихъ страстей и пороковъ, требовали здраваго отношенія каждаго къ самому себѣ, большей работы надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ самоусовершенствованіемъ и меньшей горделивой жажды и пристрастія къ земнымъ дѣламъ. Понятно, что при маломъ развитіи людей исполненіе этихъ требованій казалось чрезмѣрно труднымъ и во всякомъ случаѣ несравненно труднѣе, чѣмъ исполненіе условій обыденной практической жизни, а потому общество живетъ привычнымъ порядкомъ.

Вѣка смѣнялись вѣками, поколѣнія поколѣніями, и на старыхъ выводахъ практической опытной дѣятельности воздвигались требованія новыхъ для каждаго вѣка современныхъ, условій жизни. Люди съ каждымъ вѣкомъ становились все умнѣе, развитѣе, но за то и требовательнѣе; стали строже относиться не къ себѣ, но къ окружающимъ людямъ и къ условіямъ жизни. Они стали отчетливѣе и настоятельнѣе понимать и чувствовать свой жизненный расчетъ и условія своихъ личныхъ выгодъ и невыгодъ. Практика общественной дѣятельности приспособляла разныя понятія къ формѣ, наиболѣе подходящей подъ строй своей практической жизни, почему взамѣнъ понятій о добродѣтели выработались, мало-по-малу, понятія: о чести, честности, благородствѣ и великодушіи; взамѣнъ понятія о всеобщемъ братствѣ и взаимной любви выработались понятія о правѣ и традиціонно-герольдическихъ рангахъ наслѣдственного происхожденія высшихъ и низшихъ, о бѣлой и черной кости; понятія о благочестіи, смиреніи и покорности замѣнились чувствомъ черстваго исполненія своего долга, дѣловитой аккуратности, настойчивости и педантичности, и всѣмъ, что расширяетъ атмосферу пороковъ, страстей, интригъ, зависти, гордости, тщеславія и имъ подобныхъ атрибутовъ общественной практической жизни.

При подобныхъ условіяхъ жизнь общества и каждаго его члена не могла постоянно не усложняться; весь строй жизни, мысли, убѣжденій, науки и міровоззрѣній долженъ былъ создавать все болѣе и болѣе ненормальное и антиальтруистическое направленіе жизненной дѣятельности, а потому и общее стремленіе къ развитію принимало все болѣе и болѣе характеръ личный и эгоистичный.

Эта ненормальность жизненной дѣятельности не могла конечно, не завести все человѣчество далеко въ область запутанностей, безконечно затрудняющихъ существованіе каждаго, и, какъ слѣдствіе полнаго искаженія естественныхъ взглядовъ другъ на друга, отношенія между людьми стали многосложны и для многихъ окончательно невыносимы.

Каждый, возвышаясь въ какомъ либо отношеніи надъ другими, получалъ легальное право господствовать надъ ними, а нелегальное—эксплуатировать, притѣснять и унижать ихъ. Съ одной стороны, людямъ умнымъ, практичнымъ, сильнымъ волей или талантами, для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ возвышаться надъ людьми, было выгодно скрывать отъ всѣхъ и маскировать разными способами свои дѣла, свои намѣренія, а въ особенности свои сильныя и слабыя стороны, т.-е., свои пороки, недостатки и уродства какъ физическія, такъ и нравственныя. Съ другой стороны, людямъ болѣе слабымъ, или скромнымъ и вообще менѣе одареннымъ природой умственно или физически, необходимо было ограждать себя отъ чрезмѣрнаго коварства людей, отъ ихъ хитрости и дерзкихъ посягательствъ, какъ на ихъ личность, такъ и на ихъ права. Все это вызывало необходимость заключить въ какія-нибудь рамки взаимныя отношенія между людьми, чтобы стѣснить разгулъ и распушенность и хотя сколько нибудь оградить слабыхъ отъ произвольныхъ поступковъ и всякаго рода посягательствъ на нихъ. Для удовлетворенія обѣихъ сторонъ въ обществѣ установились извѣстные принципы, этикеты, моды, правила приличія, свѣтскіе обязательные обычаи и разныя формы жизни, стѣсняющія поступки людей. Всѣ эти мѣры были, конечно, бесполезны и не уберегали человѣка отъ тайныхъ враговъ, которымъ было можетъ быть еще удобнѣе дѣйствовать подъ прикрытіемъ общественнаго благочестія, но эти мѣры обезпечивали по крайней мѣрѣ внѣшнюю, показную сторону общественной жизни и устанавливали внѣшнюю сторону въ отношеніяхъ людей.

Но многое, что было необходимо и имѣло смыслъ 100 или 200 лѣтъ тому назадъ, когда средній уровень умственнаго и нравственнаго развитія людей стоялъ ниже чѣмъ теперь, то могло бы въ настоящее время считаться лишнимъ и бесполезно усложняющимъ нашу жизнь. Но человѣчество, однажды привыкшее къ извѣстному этикету, къ правилу подчиняться существующимъ: принципамъ, модамъ, приличіямъ и обычаямъ, уже не такъ легко разстается съ ними, какъ бы они ни были стѣснительны и нелѣпы; какъ бы отдѣльныя личности ни протестовали противъ нихъ, ничто не въ силахъ измѣнить общаго моднаго теченія жизни.

Поэтому каждый изъ насъ, самъ не замѣчая того, поработанный съ молодости привычкой исполнять въ угоду обычаямъ всѣ обращенныя къ нему требованія жизни, торопится рѣшить свою задачу, не уклоняясь отъ предначертанной ему программы, захлебываясь отъ массы возложенныхъ на него прямыхъ обязанностей и отъ еще большаго количества совершенно въ настоящее время ненужныхъ и безцѣльныхъ обязанностей, перешедшихъ по традиціямъ изъ глубокой старины.

Въ такомъ состояніи застаётъ насъ предверіе двадцатаго столѣтія, и, передъ нашими глазами начинается диковинное, до сихъ поръ въ исторіи человѣчества небывалое явленіе: отъ общаго кипу-

чаго моднаго потока жизни, стали сотнями и тысячами отдѣляться люди, утомленные безцѣльностью своихъ собственныхъ поступковъ, своей пустой жизнью, влекущей ихъ ложными путями къ ложнымъ идеаламъ. Они встали поодаль отъ общаго теченія жизни, какъ-бы проснулись отъ тяжелаго удручающаго ихъ кошмара и начали требовать примѣненія разума къ анализу основъ нашей жизни. Они стали ощущать всю недостаточность сухого расчета, потребовали болѣе живой естественной мысли, доводящей до причины каждой необходимости и раскрывающей всѣ послѣдствія ея, и, въ то же время и отъ людей, и отъ себя—поступковъ, которые прямѣе-бы вели къ истинной цѣли жизни.

Съ ихъ точки зрѣнія нужно радикальное измѣненіе всего умственнаго строя мысли и новое міровоззрѣніе, болѣе соотвѣтствующее естественнымъ требованіямъ природы отъ человѣка. Они говорятъ, что въ настоящее время интеллигентный человѣкъ достаточно созрѣлъ для того, чтобы быть въ состояніи додумываться до конца и умѣть различать значеніе временныхъ и переходныхъ истинъ и цѣлей, съ которыми ему приходится сталкиваться въ жизни, отъ вѣчныхъ и абсолютныхъ. Интеллигентный человѣкъ долженъ умѣть различать пѣль отъ средства, причины отъ ихъ слѣдствій и долженъ умѣть отводить всему этому соотвѣтствующее мѣсто и давать преобладающее преимущество главенствующимъ двигателямъ жизни и прогресса, какъ духовнаго, такъ нравственнаго и умственнаго.

Неужели въ самомъ дѣлѣ людямъ никогда не суждено понять, что вся жизнь общества и каждого отдѣльнаго его члена ведется въ разрѣзъ съ указаніями разума и здраваго смысла; что въ ней чрезвычайно много лишняго, пустого и даже совсѣмъ безсмысленнаго, безъ чего людямъ жилось бы несравненно легче? Пусть каждый провѣритъ свою жизнь, и если онъ въ состояніи безпристрастно прослѣдить ее, то увидитъ, что все общество и онъ самъ, совершенно того не понимая, живетъ машинально исключительно въ силу привычекъ, образовавшихся вслѣдствіе внушеній, которыя производили на него съ самыхъ раннихъ лѣтъ: кормилицы, мамки, няньки, родители, воспитатели, учителя и школы, и что эти внушенія дополнялись внѣшними давленіями, производимыми окружающей средой, обществомъ и условіями благосостоянія и довольства.

Родители и воспитатели наши, внушая намъ жизненные привычки, руководствовались, также какъ и мы, не разумомъ и здравымъ смысломъ, но слѣдовали своимъ собственнымъ наслѣдственнымъ привычкамъ, возведеннымъ въ принципы жизни еще дѣдами и прадѣдами, отчего такъ часто мы въ своихъ поступкахъ можемъ усмотрѣть осколки традиціи самыхъ древнихъ временъ, нисходящихъ чуть не до временъ языческихъ и каменнаго періода, т.-е., до такой древности, когда люди были еще такъ мало развиты, что въ сущности не могли дать никакихъ полезныхъ указаній относительно образа жизни здраво-мыслящему и интеллигентно-развитому современному человѣку. А эти то самыя тра-

диціонныя привычки и принципы, перешедшіе въ насъ въ силу внушеній, были всегда самыми злѣйшими врагами всякой новой, свѣжей и возвышенной идеи, а слѣдовательно приносятъ чрезвычайно много вреда, какъ нашему личному усовершенствованію, такъ и общему развитію вѣка.

Замѣтьте, какъ на каждомъ шагу при обсужденіи своихъ поступковъ или своихъ мнѣній, мы неправильно употребляемъ свой разумъ и здравый смыслъ, какъ мы часто имъ злоупотребляемъ и въ какіе компромиссы входитъ съ нимъ; касается ли наше сужденіе общественной или практической жизни, науки, нашихъ отношеній къ людямъ или къ окружающей природѣ, это все равно, вездѣ наши сужденія перемѣнчивы, узки, поверхностны и никогда не имѣютъ достаточнаго основанія. Это лучше всего обрисовывается при обмѣнѣ мнѣній.

Нѣтъ двухъ одинаковыхъ мнѣній между людьми; каждый настаиваетъ на своемъ, рѣшительно не заботясь о томъ, чтобы черезъ посредство спора или обоюднаго обмѣна мысли возстановить истину и затѣмъ держаться ея. Этого никогда нѣтъ, истина остается одна въ сторонѣ отъ спорящихъ, и послѣ спора остается всякій при своемъ мнѣніи, даже тотъ, кто принужденъ считать себя побѣжденнымъ.

Вѣдь, если основанія, принятыя для сужденія, одни и тѣ же, то выводы разума и логики должны вести къ одинаковымъ результатамъ и разногласій не должно быть; стоитъ только спорящимъ добросовѣстно согласиться между собой, провѣрить основанія мысли, ходъ сужденія, указать другъ другу обоюдныя ошибки, и выводъ получился бы одинаковый. Но дѣло въ томъ, что рѣдко ведутся споры съ цѣлью выясненія истины, но всегда преслѣдуются тщеславное намѣреніе, во что бы то ни стало взять перевѣсъ надъ своимъ противникомъ, быть побѣдителемъ и, ставъ въ общественномъ мнѣніи выше, осмѣять его и восторгествовать.

Многіе спорятъ для того, чтобы спорить; имъ нравится самый процессъ спора; сегодня они защищаютъ одно мнѣніе, а завтра ему противоположное и хвастаютъ тѣмъ, что въ обѣихъ случаяхъ остаются побѣдителями. Эта любовь къ одержанію побѣды при обмѣнѣ мнѣній совсѣмъ не рѣдкость и несравненно болѣе распространена, чѣмъ объ этомъ думаютъ; напротивъ, ее надо до нѣкоторой степени искать въ каждомъ изъ насъ и въ каждомъ спорѣ, ибо людей, способныхъ судить безпристрастно и радоваться успѣху ближняго, очень мало; большинство никогда не отказывается отъ случая указать другому, что и въ его хотя и правильномъ сужденіи есть доля смѣшного.

Если это не было бы такъ, то не существовало бы цѣлой науки—эристики,—объ искусствѣ вести въ обществѣ дебаты. Наука эта возводитъ искусство вести споръ на степень настоящаго турнира, гдѣ спорящіе прямо становятся въ оборонительныя другъ противъ друга положенія и, какъ на каждомъ поединкѣ, наносятъ удары, парируютъ, ихъ.

и болѣе искусный спорщикъ долженъ всегда имѣть перевѣсъ, независимо отъ того, на чьей сторонѣ правда.

Присемъ необходимо замѣтить, что эристика не создана искусственно для наученія человѣка злу и пренебреженію къ истинѣ; совсѣмъ напротивъ, она обращаетъ лишь вниманіе на наиболѣе распространенныя уклоненія отъ правильнаго сужденія или на ошибки мысли, которыя, сами того не замѣчая, допускаются люди, дѣлая свои выгоды и заключенія. Она основывается на практикѣ жизни и весьма наглядно указываетъ, какъ далеко заводитъ неправильная форма сужденія въ область самообмана.

Разбирая всѣ уклоненія отъ правильнаго сужденія, на которыя указываетъ эристика, и находя то однѣ, то другія невѣрности положительно въ каждой рѣчи, въ каждомъ сужденіи и на каждомъ шагу, надо къ сожалѣнію сказать, что ни что такъ не рѣдко между людьми, какъ свѣтлый и ясный разумъ, здравый смыслъ и непритворное желаніе быть ближе къ истинѣ.

Еще въ большія ошибки, чѣмъ форма сужденія и образъ мысли, заводитъ насъ недостаточность основаній, принимаемыхъ нами какъ исходныя точки нашего мышленія. Выражая свою мысль, или обсуждая какой нибудь вопросъ, мы всегда имѣемъ какую нибудь базу или основу мышленія, которую мы можемъ тутъ же и высказать или можемъ подразумевать, но всегда отъ нея мы строимъ дальнѣйшій выводъ разума. Напримѣръ, я говорю: „такъ какъ я привыкъ ежедневно спать ночью по 8 часовъ и просыпаться въ 9 часовъ утра, а завтра мнѣ предстоитъ встать въ 7 часовъ, то я лягу двумя часами раньше, а васъ попрошу разбудить меня 7 часовъ утра“. Я могу высказать всю эту мысль, или сказать только послѣднее, т. е. разбудите меня завтра въ семь часовъ утра, тѣмъ не менѣе естественный ходъ моего мышленія основанъ на положеніи, что я привыкъ спать ежедневно по 8 часовъ и просыпаться въ 9 часовъ, и это положеніе служитъ въ данномъ случаѣ основаніемъ или исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго вывода.

Мы всегда принимаемъ исходныя пункты своего мышленія за неприложныя истины, за нѣчто, не подлежащее ни оспариванію, ни доказательству, что они состоятъ изъ нашихъ привычекъ, изъ нашего привычнаго міровоззрѣнія или обычныхъ и общепринятыхъ принциповъ и правилъ жизни, которые, какъ мы себѣ представляемъ, не подлежатъ никакому контролю разума, такъ какъ въ нихъ не можетъ быть внесена ни малѣйшая поправка, ни измѣненіе, такъ какъ они освящены давностью въ исторіи нашей жизни и въ жизни нашихъ предковъ. А между прочимъ вотъ эти то самыя непогрѣшимыя основы нашего мышленія въ слишкомъ частыхъ случаяхъ не имѣютъ ни разумныхъ, ни логическихъ основаній. Вотъ ихъ то мы всегда меньше всего и подвергаемъ контролю нашего разума, такъ какъ всегда мы меньше всего сомнѣваемся въ своей собственной погрѣшимости и въ погрѣшимости

основныхъ принциповъ и обычаевъ, принятыхъ обществомъ. Съ другой стороны, признавая ихъ даже неразумными и нелогичными, мы все же не были бы въ состояніи ни отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ привычекъ, ни сломать принциповъ и обычаевъ общества и всякій нашъ протестъ въ этомъ направленіи напоминалъ бы только борьбу съ вѣтряными мельницами.

Само собой разумѣется, какъ бы ни былъ разуменъ и логично построенъ выводъ, онъ всегда будетъ лживъ, если исходитъ изъ недостаточно разумомъ проверенныхъ данныхъ, и всѣ наши поступки, вызванные подобными выводами, будутъ одинаково ошибочны и неестественны.

И какъ много въ жизни общества и каждаго изъ насъ ошибокъ, заблужденій, нелогичностей, на которыхъ основывается наша жизнь, но которыя мы считаемъ до такой степени непреложными, что намъ и въ голову придти не можетъ проверить ихъ, а всѣ онѣ отражаются неблагоприятно на нашей жизни и заставляютъ насъ совершать часто совсѣмъ безсмысленные поступки.

Для болѣе нагляднаго выясненія своей мысли мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько примѣровъ, но рѣшительно теряемся въ массѣ и обилии ихъ. Ихъ мы находимъ на каждомъ уголкѣ дѣятельности человѣка: среди наукъ, искусствъ, медицины, общественныхъ отношеній, между людьми и практической жизни, въ семейной, однимъ словомъ—гдѣ угодно. Всякій знаетъ и чувствуетъ на себѣ, какъ много въ его ежедневной жизни мелочей и дрязгъ разнаго рода, отъ которыхъ желалъ бы онъ отдѣлаться, видя ихъ полную безцѣльность и не видя никакой разумной причины ихъ существованія. Стоитъ войти въ любую хату рабочаго, обратить вниманіе на любой фактъ изъ жизни живущихъ въ нихъ людей и спросить: чѣмъ оправдываете вы этотъ обычай, эту привычку или все, что касается строя жизни? Всякій удивится подобному вопросу, съ перваго раза затруднится отвѣтомъ и откажется отвѣчать; но если вы будете настойчивы и съумѣете заставить говорить, то вы всегда будете получать одни и тѣ же стереотипные отвѣты: это такъ принято, а потому безъ этого нельзя; или, какъ же иначе, всѣ такъ дѣлаютъ; или, это—требованіе вѣка и мы уже такъ привыкли; или это дѣлали наши дѣды и прадѣды, зачѣмъ будемъ мы иначе дѣлать. И ни одного объясненія не получите вы со ссылкой на здравый смыслъ и на чистый разумъ.

И это не въ какихъ нибудь мелочахъ жизни, въ которыхъ было бы дѣйствительно все равно, какъ ни поступать, — такъ или иначе. Въ этихъ случаяхъ, понятно, не стоило бы раздумываться, а дѣйствительно было бы проще всего дѣлать такъ, какъ принято, или — такъ, какъ другіе поступаютъ, но вѣдь это часто касается фактовъ серьезныхъ, влекущихъ за собой важныя послѣдствія, которыхъ каждый долженъ бы

остерегаться какъ чего нибудь опаснаго, вреднаго или безнравственнаго, а потому долженъ бы былъ избѣгать.

Приведемъ первый примѣръ. Обратите вниманіе, какъ каждая добродѣтельная и разумная мать холитъ и бережетъ свою всей душой любимую дочь. Она просто не надышется ею, учитъ, воспитываетъ, внушаетъ скромность и самое утонченное приличіе не въ однѣхъ только внѣшнихъ формахъ, но учитъ сохранять чистоту душевную и учитъ возвышать свои чувства до высшихъ идей всего прекраснаго, святаго и разумнаго. Одна изъ ея главныхъ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы оберегать свою дочь отъ худого примѣра: она удаляетъ отъ ея взоровъ все нечистое, порочное и двухмысленное; и результаты разумнаго и задушевнаго воспитанія выходятъ дѣйствительно удивительны; дочь растетъ ангеломъ добродѣтели и обладаетъ нѣкоторыми талантами. Такимъ образомъ цѣль матери—сдѣлать изъ своей дочери добродѣтельную жену, мать-воспитательницу своихъ будущихъ дѣтей и и добрую и достойную своего отечества гражданку — оправдывается прекрасно.

Сколько посябно хлопотъ, сколько любви, самоотверженія осторожности, умѣнія и предусмотрительности; какія прекрасныя и возвышенныя преслѣдовались цѣли и стремленія, однимъ словомъ, все изобличаетъ въ матери женщину умную, разсудительную и въ высшей степени благонамѣренную.

Но вотъ періодъ образованія кончается. Мать объявляетъ дочери, что она уже почти большая и что наступила пора показать на практикѣ жизни результаты того, чему она такъ долго училась, и что она должна выказать всѣ свои добрыя качества, скромность, умѣніе вести себя въ обществѣ и т. д. Дождавшись перваго большаго бала начинаются приготовленія ея къ первому выѣзду въ большой свѣтъ. Никто не потрудится спросить, чувствуетъ ли она къ этому влеченіе или отвращеніе. Если она не хочетъ того, ей говорятъ; дурочка, ты еще жизни не понимаешь, всѣ сперва боялись и привыкли же къ тому; и сама мать одѣваетъ дочь въ бальное платье, т. е. снимаетъ съ нея всѣ тѣ одѣянія, которыя не принято снимать публично, обнажаетъ ей все, что до сихъ поръ сама учила скрывать, и заставляеть въ ярко-освѣщенномъ залѣ, обнявшись съ мужчиной, принимать самыя невозможныя позы и дѣлать самыя соблазнительныя тѣлодвиженія при многочисленномъ обществѣ, осматривающемъ со всѣхъ сторонъ эту несчастную жертву, приносимую модному вѣянію. Многіе ли замѣчаютъ, что на алтарь общественнаго приличія приносятся всѣ лучшія чувства, вся природная скромность и стыдливость? Многіе ли оцѣнивають всю важность этого грустнаго факта, который можетъ отразиться пагубно на всей послѣдующей жизни и имѣть важныя послѣдствія въ образованіи характера этого молодого, еще не сложившагося существа? Наконецъ, многіе ли уважаютъ тѣ горячія слезы, которыми заливалась бѣдная дѣвушка

передъ тѣмъ, чтобы выдти въ залъ въ костюмѣ, унижающемъ достоинство всякой жены, всякой матери и всякой женщины, какъ вѣнца творенія живыхъ существъ на землѣ?—Нѣтъ, въ обществѣ нѣтъ ни состраданія ни пощады никакимъ отщепенцамъ отъ него, и никто не смѣетъ быть лучше и чище другихъ, всѣ должны подходить подъ общій строй, дѣлать то же, что дѣлаютъ другіе, и переживать то же, что переживали другіе. Общество только надзираетъ, оцѣниваетъ и критикуетъ: кто смотритъ на бѣдную жертву со злой иронической улыбкой, если она вполне безупречна и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасна, а потому нельзя послать по ея адресу ни одного обиднаго или критическаго замѣчанія; а кто просто—съ видомъ эксперта, осматривающаго вновь привезенный на базаръ свѣжій живой товаръ.

Проанализируйте хорошенько этотъ совершенно обыденный жизненный фактъ, сколько найдете вы диссонансовъ, нелогичностей, непоследовательностей, ошибокъ противъ совѣсти, нравственности, здраваго смысла, и вы сами удивитесь, какъ можетъ подобный образъ дѣйствій держаться въ интеллигентномъ и разумномъ обществѣ?—Отвѣтъ одинъ: „такъ принято“.

Второй примѣръ. Многіе находятъ совершенно логичнымъ послѣ полученнаго ими личнаго оскорбленія драться на дуэли для возстановленія своей яко-бы утерянной чести. Спросимъ себя, что такое честь?—„Честь есть сознаніе своего личнаго достоинства, состоящаго изъ добраго имени, незапятнаннаго никакими преступленіями или проступками, и признаніе этого факта другими“.

Какимъ же образомъ, если признать это объясненіе правильнымъ, можно понять, что, совершая преднамѣренное убійство, можно возстановить свою честь, утерянную будто бы вслѣдствіе одного празднаго слова, сказаннаго другимъ, на которое самъ оскорбленный не подавалъ никакого повода? Какимъ образомъ это слово можетъ запятнать честь, а преднамѣренное собственноручное убійство можетъ возстановить ее? Совершенно не понятно. Одно объясненіе: „такъ принято“.

Третій примѣръ. Все зданіе матеріалистическаго и позитивнаго изученія физики, химіи, фізіологіи, космогоніи и многихъ другихъ естественныхъ наукъ построено на двухъ главныхъ основныхъ положеніяхъ: во первыхъ, что матерія вѣчна, т. е. что количество ея, которое существуетъ нынѣ, существовало отъ вѣчныхъ временъ и будетъ вѣчно существовать, а во вторыхъ, что матерія обладаетъ отъ вѣчности достаточнымъ количествомъ свойствъ и качествъ, чтобы быть въ состояніи сама, безъ помощи и вмѣшательства какой бы то ни было посторонней причины, самостоятельно творить всѣ явленія природы, весь видимый нами міръ и все живущее.

Сколько тысячъ лѣтъ существуютъ науки (если признать ихъ происхожденіе отъ арабовъ и древнихъ египтянъ)! Сколько сотенъ тысячъ ученыхъ положили свою жизнь на изученіе и разработку ихъ;

какъ старался каждый изъ нихъ все выше и выше надстраивать зданіе своей науки, быть безупречнымъ и непогрѣшимымъ въ своихъ выводахъ, для чего обставлялъ науку всевозможными способами провѣрокъ знанія и строгимъ анализомъ; все гипотетичное и сомнительное не включалось въ область позитивнаго метода изученія природы, и только однѣ положительныя и неоспоримыя данныя получали право служить основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Все зданіе наукъ представляется нашему воображенію чѣмъ то непоколебимымъ, неоспоримымъ и великимъ.

Но спросимъ себя: чѣмъ доказываются оба основныя положенія наукъ, служащія имъ краеугольнымъ камнемъ и исходнымъ пунктомъ всякаго матеріалистическаго и позитивнаго научнаго вывода? Чѣмъ доказывается, что матерія вѣчна или что она обладаетъ всѣми необходимыми качествами и свойствами, чтобы творить міры? Оказывается, что о доказательствѣ этихъ двухъ положеній меньше всего озабочивались ученые; за нихъ говоритъ одна давность. Ученые просто привыкли считать ихъ за неоспоримыя научныя истины, и эта привычка переходила изъ поколѣній въ поколѣнія безъ малѣйшихъ измѣненій, не смотря на протесты сотни великихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ находились еще Ньютонъ и Лейбницъ.

Въ настоящее время можно сказать, что современная наука очень близка къ тому, чтобы окончательно опровергнуть оба эти положенія и признать полную подчиненность и зависимость матеріи отъ силъ, дѣйствующихъ на нее и образующихъ ее.

Во что обращается зданіе, если разрушить его фундаментъ? Много ли въ позитивной наукѣ останется неоспоримыхъ данныхъ, если признать основныя положенія, служащія исходными пунктами для всѣхъ научныхъ выводовъ, ошибочными? Сколько въ такомъ случаѣ потребуется ввести въ нее измѣненій, сколько поправокъ и дополненій, если наука будетъ принуждена покинуть господствующій нынѣ позитивизмъ и его принципы: 1) автоматичности, 2) необходимости, 3) всесилія законовъ природы—и перейти на принципъ господства въ природѣ. Разумной Воли, предусмотрѣнности и полной цѣлесообразности всѣхъ явленій.

Если только позитивизмъ будетъ принужденъ признать какъ многіе уже лучшіе ученые признали, что силы образуютъ матерію и что силы эти имѣютъ разумное начало, то придется признать и сосредоточіе силъ въ одномъ Всеобъемлющемъ, Разумномъ Центрѣ всѣхъ силъ и Безконечно Премудрую и Разумную Единую Волю, правящую вселенной, а при этомъ допущеніи, конечно, отъ позитивизма и камня на камень не останется. Но за то новая обновленная наука, поставленная на истинную и логическую почву, дастъ послѣ всѣхъ ея преобразованій необыкновенный скачекъ впередъ, ибо многое, что теперь

кажется намъ непонятнымъ, при новомъ строѣ наукъ получить совершенно простое и естественное разрѣшеніе.

Четвертый примѣръ. Человѣкъ заболѣваетъ, напримѣръ, болѣзною печени и желчи; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ принято посылать немедленно за докторомъ и начинать серьезное лѣченіе. Докторъ, рассматривая больного, какъ субъекта, въ котораго проникло извѣстное количество болѣзнетворнаго яда, старается дать соотвѣтствующее количество противоядія, чтобы парализовать дѣйствіе яда, и прописываетъ лѣкарства, діету и режимъ.

Лѣченіе помогаетъ, но по опрощеніи извѣстнаго времени болѣзнь возвращается и, притомъ, каждый разъ съ новою силой. Лѣченіе каждый разъ возобновляется, дозы лѣкарствъ увеличиваются, и съ теченіемъ времени тѣ лѣкарства, которыя оказывали благопріятное дѣйствіе, становятся недостаточными. Приходится прибѣгать къ сильно дѣйствующимъ средствамъ и разнаго рода наркотикамъ, которые, собственно говоря, не излѣчиваютъ болѣзнь, но только притупляютъ ощущенія боли, позволяя болѣзни усиливаться и идти своимъ естественнымъ ходомъ. Всѣ сильно дѣйствующія средства и въ особенности наркотики, дѣйствуя благопріятно въ одномъ направленіи, оказываютъ въ высшей степени вредное дѣйствіе на другіе органы, бывшіе до сихъ поръ здоровыми. Доктора охотно допускаютъ подобнаго рода разстройства въ томъ предположеніи, что когда коренная болѣзнь пройдетъ, то излѣчатся сами собой всѣ побочные недуги, вызванные наркотиками и сильно дѣйствующими лѣкарствами. Но предположите, что болѣзнь упорствуетъ, то въ результатъ получается полное разстройство всего организма, и всѣ удивляются, отчего явились столь сильныя осложненія болѣзни у человѣка, который всю жизнь былъ здоровъ.

Никому и въ голову не придетъ спросить себя о причинѣ болѣзни, несмотря на то, что этотъ вопросъ долженъ всегда стоять раньше самаго лѣченія, ибо: 1) если устранить причину, то и болѣзнь должна прекратиться сама собой безъ всякаго лѣченія; а 2) если причина не устранена, то сколько бы ни лѣчили, болѣзнь должна же вновь вернуться; ибо нельзя залѣчивать рану, если въ ней находится какая-нибудь щепка, которая дѣлаетъ больше вреда, чѣмъ приноситъ пользы лѣкарство.

Разбирая настоящій случай, надо замѣтить, что болѣзни печени и желчи бывають, конечно, отъ разныхъ причинъ, но очень часто причина этой болѣзни зависитъ отъ нравственныхъ мотивовъ. Человѣкъ золъ и завистливъ, всякая его собственная неудача раздражаетъ его и приводитъ въ ярость; каждый успѣхъ другихъ доводитъ его до дрожи во всемъ тѣлѣ и заставляетъ внутренно завидовать до скрежета зубовъ; его болѣзнь, мѣшая ему въ дѣлахъ, приводитъ его въ отчаяніе, а злость и зависть кипятъ въ немъ и день и ночь. Такое ненормальное напряженіе желчныхъ пузырьковъ служить основной причи-